

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ОДНОЙ ГРУППЫ «БЕЗЛИЧНЫХ» ПРЕДЛОЖЕНИЙ

С. А. ЛАЛАЯН

Для лингвистических исследований последнего времени характерен возросший интерес к семантической структуре предложения¹. Анализ ее ведется в нескольких направлениях в зависимости от разных теоретических установок исследователей и направленности самого исследования. Все разнообразие подходов к изучению семантической структуры может быть сведено к двум наиболее общим направлениям. Первое рассматривает семантическую структуру предложения в качестве одного из аспектов описания семантики языка. Тонкий анализ семантической структуры с учетом определенных закономерностей ее организации, семантических отношений между составляющими структуры, ограничений на те или иные семантические функции сам по себе очень интересен, богат идеями и результатами. Однако некоторых лингвистов тревожит такое кардинальное обращение грамматики к семантическому анализу, «захлестнувшая за последнее десятилетие мировую лингвистику волна трансформационных и генеративных грамматик»². Автор этих строк предостерегает от чрезмерного увлечения глубинными (семантическими) структурами, считая их выработку всего лишь «служебной операцией» в грамматических исследованиях. Следует отметить, что в рамках генеративной грамматики развиваются два противоположных течения: одно из них не мыслит семантическую структуру отдельно от синтаксической, отводя последней доминирующую роль, другое течение рассматривает синтаксис как средство внешнего оформления семантической структуры, но и в этом случае семантические компоненты соотносятся с определенными позициями в синтаксической структуре, так что синтаксис остается в поле зрения исследователя.

Второй путь исследования семантической структуры предложения основан на идее асимметрии языкового знака. Проблема взаимоотношения синтаксиса и семантики предстает как взаимоотношение коррелятов оппозиции синтаксическая/семантическая структура предложения. В зависимости от конкретных задач исследования, от тех или иных методологических принципов исследователи ориентируются либо на форму, либо на содержание предложения, и эти планы рассматриваются как независимые, автономные. Однако только относительная независимость семантической и синтаксической структуры позволяет их разъединять, при этом в убытке оказываются оба плана. Принимая тезис о единстве формы и содержания в синтаксисе, исследователи продолжают анализировать их отдельно, и это расценивается «как методический прием

¹ Современная лингвистика проявляет большой интерес к категории значения на всех уровнях языковой системы и, как отмечает Р. А. Будагов, современность/несовременность лингвистического анализа определяется отношением исследователя к данной категории. (См.) Р. А. Будагов. Что означает словосочетание современная лингвистика.—ВЯ. 1975. № 6, с. 18—19).

² В. Г. Адмони. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур.—Изв. АН СССР. СЛЯ, 1979, № 1, с. 24.

установления соотношений между смыслом предложения и его синтаксическими репрезентациями³. Но на современном этапе развития синтаксической науки этот прием анализа представляется исчерпавшим себя. Как отмечает Т. Б. Алисова, «раздельное описание структуры плана выражения и плана содержания следует рассматривать лишь как предварительный технический прием, за которым должен следовать анализ взаимодействия единиц обоих планов»⁴. Единое рассмотрение формы и содержания предложения—это требование, выдвинутое всем ходом развития синтаксических идей. В настоящее время проблема сводится не к опровержению или утверждению данного тезиса, а к применению его в конкретных исследованиях, как, например, в концепции Г. А. Золотовой, где обосновывается единый структурно-семантический принцип анализа синтаксических конструкций. При этом следует учитывать также и симметричные отношения между формой и содержанием. Представляется очень важной и заслуживает дальнейшего развития мысль Г. А. Золотовой о плодотворности изучения «всех симметричных и асимметричных построений, выявления их действительного соотношения и роли в синтаксической системе»⁵. Нельзя согласиться со следующим утверждением В. С. Храковского, отрицающим «имплицитивную зависимость» между семантической и синтаксической структурами: «...как по смысловой структуре предложения нельзя с достаточной достоверностью судить о его синтаксической структуре, так и по его синтаксической структуре—о смысловой...»⁶. Думается, что с достаточной достоверностью можно предположить, что сообщение о состоянии субъекта организуется предикативным сопряжением косвенного падежа имени с неакциональным глаголом, во всяком случае возможно выделить ряд основных (первичных) синтаксических конструкций, передающих данное значение⁷.

Для целей нашей работы следует особо отметить, что несмотря на столь огромный интерес к семантике предложения, само понятие «семантическая структура предложения» не получило еще однозначного определения, конкурируя (а часто и отождествляясь) с такими терминами, как «глубинная структура», «базовая структура», «смысл предложения». Обычно под семантической структурой предложения понимается или предикатно-аргументная структура (пропозиция), которая отражает определенный фрагмент действительности, или субъектно-предикатная структура, в которой реализуется мыслительный акт—соотнесение предикативного признака с носителем этого признака (субъектом), или же то и другое вместе. Поэтому, оперируя этим понятием, предварительно нужно сделать необходимые оговорки относительно его понимания⁸.

В настоящей статье исследуется семантико-синтаксическая структура так называемых «безличных» предложений, репрезентируемых структурной схемой Acc+Vimpers при наличии или отсутствии творительного падежа. Обращаясь к структурной схеме, мы только ограничиваем себя определенным материалом. При исследовании применяется компонентный анализ синтаксической конструкции, предложенный Г. А. Золотовой⁹. Этот анализ под разными названиями (семный анализ, ана-

³ А. В. Супрун. Грамматика и семантика простого предложения. М., 1977, с. 4.

⁴ Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса итальянского языка. М., 1971, с. 22.

⁵ См.: Г. А. Золотова. К вопросу об объекте синтаксических исследований. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, № 1, с. 20.

⁶ В. С. Храковский. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973, с. 93.

⁷ Или же сообщение о качестве предмета в основном организуется адъективной структурой.—В этом можно видеть проявление закона симметрии языкового знака.

⁸ Предикатно-аргументная и субъективно-предикатная структуры соотносятся с денотативным и сигнификативным значениями предложения. Эти значения можно, а в некоторых случаях и целесообразно, рассматривать как аспекты содержательной стороны предложения. Ср. трактовку семантической структуры как совмещение указанных значений.

лиз по семантическим множителям) интенсивно начал применяться в семантике с конца 50-х годов. Он заключается в расщеплении семемы на отдельные составные части—семы. Дальнейшее развитие этой идеи (компонентная организация значения слова) привело к признанию системного характера организации семемы¹⁰. Как видно из работ Г. А. Золотовой, компонентный анализ может успешно применяться и в синтаксических исследованиях. Вернее, он предопределен уже самой установкой на изучение нерасчлененной семантико-синтаксической организации предложения, каждый компонент которого представляет собой комплекс признаков: семантических, синтаксических и морфологических.

Морфологический критерий выделения «безличных» предложений в особую группу на настоящем уровне развития синтаксических исследований не выдерживает никакой критики. Эти предложения объединены одним формальным признаком—отсутствием словоформы в именительном падеже, которая квалифицируется как главный член предложения—подлежащее. Но если в формальном плане они могут быть охарактеризованы однозначно, то в семантическом плане не представляют собой однородного явления. Это отражено и в самой дефиниции этих предложений¹¹.

Семантическая и синтаксическая разнородность конструкций, объединяемых под термином «безличные», в настоящее время признается почти всеми лингвистами. Она иллюстрируется и трансформационным анализом, и анализом семантических отношений между компонентами конструкции. Предлагаются различные классификации: по форме выражения главного компонента этих конструкций, по форме выражения субъекта (многообразии классификаций по данному критерию связано с различным толкованием субъектного компонента), по трансформационным потенциям конструкции (вспомним так часто цитируемое синтаксистами заключение Р. Ружички, что так называемые безличные предложения с точки зрения трансформационного анализа не образуют единой группы)¹². Однако во всех этих случаях неоднородность конструкций показана на материале разнооформленных семантических структур. Нашей задачей является выявить семантическую неоднородность конструкций, репрезентируемых одной структурной схемой, и на этом же материале показать релевантность семантических признаков для синтаксических структур. Выбор метода анализа «от формы к значению» в данном случае определен целями исследования, а именно: на таком формально ограниченном материале очевиднее проявляется зависимость формы от значения, релевантность семантики для синтаксических исследований. Надо отметить, что компонентный анализ структурно-семантической организации предложения снимает остроту противопоставления двух путей исследования («от формы к значению» и «от значения к форме»)¹³.

При всем семантическом многообразии безличных предложений их объединяет значение неактивности носителя предикативного признака.

⁹ См. в частности Г. А. Золотова. Опыт компонентного анализа синонимических конструкций.—Русский язык за рубежом, 1979, № 3.

¹⁰ По А. Греймасу, семы образуют иерархическую структуру с ядром и периферией.

¹¹ Ср.: «Безличные предложения обозначают состояние природы, окружающей среды, внутреннее или физическое состояние живого существа, наличие или отсутствие чего-либо, долженствование». (Грамматика русского языка, М., 1960, т. II, часть вторая, с. 14).

¹² См.: Р. Ружичка. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном рус. лит. языке.—ВЯ, 1963, № 3.

¹³ Наметилаcя общая тенденция в современной лингвистике находить все возможные языковые средства для выражения того или другого содержания. Чешские лингвисты, однако, считают, что лингвистический анализ должен исходить из языковой формы.

Это значение самой конструкции, структурной схемы¹⁴, оно заключается не только в форме выражения предикативного признака, но и передается посредством сопряжения ее с определенной формой носителя этого признака. Однако анализ материала показывает, что это общее значение, которое может рассматриваться как инвариант, конкретизируется, предстает в своих вариантах в каждой отдельной подгруппе различных предложений. На основе семантического анализа отношений между компонентами структуры уточняется характер неактивности носителя предикативного признака. В дальнейшем изложении подробно проанализируем семантическую структуру рассматриваемых предложений.

Семантическое различие личных и предметных имен, проявляющееся в способности/неспособности к собственному поведению, — целенаправленному действию, является синтаксически значимой. Семантические структуры, противопоставленные по этому признаку, оказываются противопоставленными и синтаксически, а это и есть доказательство синтаксической релевантности семантического признака «личность». Можно привести многочисленные примеры. Ср.: **Мальчик пишет—Карандаш пишет**, первая конструкция может быть распространена словами и формами различной семантики—**Мальчик пишет письмо брату ночью и т. д.**; вторая конструкция лишена этой возможности, т. к. здесь представлено не действие, а свойство предмета. (Сочетание одного и того же глагола с именами различной семантики организует качественно разные структуры). Или ср.: **Письмо написано отцом—Письмо написано карандашом**. Возможность пассивной трансформации зависит от семантики имени в творительном падеже, которое выступает в различных семантических функциях—агенса и инструмента. Семантическая функция агенса избирательна к семантической категории «личность», а эта избирательность в свою очередь синтаксически релевантна. Разница в синтаксических потенциалах личных и предметных имен проявляется также в способности синтаксической конструкции подвергаться структурно-семантическим модификациям. Ср. **Сын работает—Магазин работает**. Первая конструкция, в отличие от второй, может быть осложнена компонентами со значением субъективной модальности, например, **Сын хочет, может, обязан работать**. Некоторые лингвисты подвергают сомнению правомерность противопоставления семантического признака «личность» «семантически не слишком содержательной, сильно грамматикализованной составляющей «одушевленность»¹⁵. Сомнению подвергается не полезность различения этих семантических признаков, а необходимость выделения признака «личность» как существенного для организации структуры предложения, т. к. синтаксическое поведение имен с семантическим признаком «одушевленность», называющих существа, лишённые способности к разумным и целесообразным действиям, сходно с синтаксическим поведением имен с семантическим признаком «личность», ср. **ранить медведя в ухо, погладить жука по спинке, поцеловать покойника в лоб** (примеры Ю. Д. Апресяна). На структурной основе можно выделить категорию одушевленности/неодушевленности. Исходя именно из этого, А. А. Зализняк выделяет в русском языке не три, а шесть грамматических родов. Очевидно, такие семантические признаки, как «одушевленность», «личность» принадлежат к тем признакам, относительно которых лингвисты никак не придут к согласию—считать ли их только семантическими или только синтаксическими.

В синтаксических исследованиях отмечалась неоднородность «без-

¹⁴ Говоря о семантике структурной схемы, имеется в виду не наличие какой-то особой семантики, отличной от семантики компонентов структуры. Семантика структурной схемы является абстракцией более высокого уровня, не учитывающая все частные проявления ее в регулярных реализациях.

¹⁵ См.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, с. 34.

личных» конструкций, обусловленная семантикой именного компонента. Ср: «Модели, традиционно объединяемые в класс безличных, четко распадаются на лично- и предметно-субъектные»¹⁶. Соответственно разграничиваются синтаксические конструкции с винительным одушевленного (личного) и предметного имени. Однако материал исследования показывает, что для группы предложений, структура которых может быть дополнена словоформой в творительном падеже (где она является облигаторным, но не всегда эксплицитно выраженным компонентом), семантическое противопоставление личного и предметного имени оказывается несущественным. Ср. предложения:

1. **Ветром прижимало ее к чугунным перилам, мокрое платье липло между ногами (А. Толстой). Ее почти выбросило на улицу тараном грудей, плеч и рук (К. Федин). Иван Ильич отодвинулся от ворот, движением толпы его понесло в сторону, к забору. (А. Толстой). ...меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки. (И. Бунин).**

2. **Пароход поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало течением (И. Бунин). Лодку его давно унесло в море наводнением. (Ф. Искандер). Машину снегом залепило. (И. Гофф). В павильоне было прохладно, ветром трепало края белых скатертей и женские шарфы. (А. Толстой).**

Инвариантное значение безличных предложений—неактивность носителя предикативного признака—в данных конструкциях конкретизируется значением предиката. Он представлен безличной формой акционального глагола, формой, которая передает значение действия вне зависимости от его производителя, действие произвольное, тем самым как бы преобразуя его в состояние. Ср. конструкцию **Ветер прижимал ее к перилам** с иным способом оформления предиката (акциональный глагол в личной форме) и его аргументов. Значение этих конструкций может быть определено как «каузированное состояние»—состояние, претерпеваемое субъектом со стороны определенных внешних явлений, отличных от него.

Аккузативный компонент данных конструкций в предикатно-аргументной структуре представляет собой в одном случае семантическую функцию аргумента «пациентив» (для предложений первой группы), который определяется как «одушевленный аргумент, обозначающий объект действия, состояния или отношения»¹⁷, в другом (для предложений второй группы)—семантическую функцию аргумента «объектив», который отличается от «пациентива» одной только семой «неодушевленность». Однако, как уже было отмечено, для наших конструкций эта противопоставленность снята, нерелевантна, оба аргумента представляют объект действия. Поэтому логичнее закрепить за ними один термин—«объектив». Ошибочно полагать, что любое изменение семантического признака каждый раз вызывает появление новой семантической функции, что в свою очередь отражается на синтаксической конструкции. Здесь же надо отметить, что подтверждается тезис о более тесной связи аргумента «объектив» с предикатом по сравнению с остальными аргументами. В данных конструкциях он является облигаторным компонентом и не может быть элиминирован как, например, аргумент,

¹⁶ Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 119. Отмечалась также неоднородность безличных конструкций по категории переходность/непереходность глагола в безличном функционировании. Так, М. Гиро-Вебер различает «субъектно-объективную» модель, организованную непереходным глаголом («Его разморило») и модель с творительным орудия действия, организованную переходным глаголом. (Дорогу занесло снегом)—См. М. Гиро-Вебер. Классификация простого предложения в современном русском языке. ВЯ, 1979, № 6.

¹⁷ Определение дается по В. В. Богданову. См. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, с. 52—53. Этот аргумент включается в число основных глубинных падежей и Ч. Филлмором.

представленный компонентом в творительном падеже. Ср. **Крышу сорвало** и **Ветром сорвало** (неполная конструкция). Принимая во внимание, что термин «объектив» по вполне понятным причинам может ассоциироваться или смешиваться с объектным компонентом, (понятие второго уровня описания семантической структуры предложения) считаем уместным напомнить предупреждение Ч. Филлмора «не смешивать его ни с понятием прямого объекта, ни с названием поверхностного падежа, синонимичного аккузативу»¹⁸.

Зададимся вопросом о роли компонента в твор. падеже в рассматриваемых конструкциях. Думается, что он является облигаторным компонентом, который, однако, не всегда бывает эксплицирован в силу ограниченного круга «стихийных каузаторов» (как их определяет Г. А. Золотова), выраженных формой твор. падежа. За определенными явлениями действительности (в данном случае стихийными каузаторами) в нашем представлении закрепляются определенные действия, точнее, возможности проявления этих каузаторов, что и приводит к избыточности их экспликации в синтаксической структуре. Поэтому нельзя согласиться с В. А. Кирилловой, что «употребление этих конструкций без творительного субъекта действия следует рассматривать как неполную структуру»¹⁹.

Семантическая функция аргумента, представленного творительным падежом, определяется В. В. Богдановым как «элементив»: активный неодушевленный (обычно природный, стихийный) производитель действия. Например, **Скривились домики, другие совсем обрушились, иные волнами сдвинуты** (пример В. В. Богданова)²⁰. Однако термин «стихийный каузатор» представляется более значащим, адекватным по отношению к данному значению твор. падежа²¹.

В форме твор. падежа (в функции каузатора) могут выступать не только имена, обозначающие стихийные явления. Ср. предложения: **Почти в ту же минуту с Рощина сорвало осколком фуражку.** (А. Толстой). У него в Красной Армии два сына погибли, а месяц назад жену поездом зарезало (В. Катаев). Его убило двумя пулями возле меня (Ю. Бондарев).—В этих предложениях творительным падежом оформляются имена конкретной предметной семантики—**поезд, машина, пуля, осколок**, но это так называемые «потенциальные» имена, по Чейфу, которые имеют внутреннюю силу, собственную внутреннюю энергию, в силу чего обладают потенцией совершать определенные действия²². Именно это и позволяет им «участвовать» в конструировании безличных структур. Ср. невозможность (или необычность) предложений: **Его ослепило слкой** (но светом); **Жену его ножом зарезало**. Здесь уже проявляется избирательность структуры к семантическому признаку «внутренняя энергия». Можно утверждать, что безличное употребление глагола связано с семантикой компонента в твор. падеже—стихийный каузатор или потенциальное имя.

В форме твор. падежа могут выступать и непердметные имена — девербативы. И в этих конструкциях явно проступает значение кауза-

¹⁸ Ch. Fillmore. The case for case. „Universals in linguistic theory“. New-York, 1968, p. 25.

¹⁹ В. А. Кириллова. О «конструктивных» элементах безличных предложений.—В сб. «Исследования по современному русскому языку». М., 1970, с. 95.

²⁰ В. В. Богданов. Указ. соч., с. 54. Термин «элементив» со значением «стихийное отношение» предложен Б. Комри. (См. Б. Комри. Синтаксис и семантика в трансформационной генеративной грамматике,—в кн. Вопросы структурной лингвистики, 1972, М., 1973).

²¹ Небезынтересно, как соотносятся понятия: семантическая функция аргумента «элементив» и «стихийный каузатор». Они не исключают друг друга, в функции каузатора могут выступать различные аргументы пропозиции.

²² См.: Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, с. 128—129.

ции. Ср. Его ударило по голове выстрелом. (К. Федин); ...движением толпы его понесло в сторону, к забору (А. Толстой); Грохотом взрыва швырнуло высоко горящие пучки соломы (А. Толстой); Тишину вдруг взорвало смехом—раскатистым, звонким, и десятки глаз опустились к земле (К. Федин). Выстрел, движение, взрыв, грохот, смех—девербативы, имена с предикатным значением (предикатные слова); в данном употреблении они имеют причинное значение, каузируют определенное состояние субъекта.

Все рассмотренные конструкции обладают способностью трансформироваться в личные (имеется в виду замена твор. падежа именительным), однако если эта трансформация естественна для конструкций с именами-стихийными каузаторами, то она менее привычна для конструкций с именами предметной семантики. Ср. 1...ветер с воем ломил в мачты и порою, вместе с налетавшей волной, клал пароходик совсем набок... (И. Бунин)²³. 2. Смех взорвал тишину. Движение понесло его в сторону. 3. Снаряды были по переправам и холмам. Граната убила его.

В традиционном синтаксисе превалирует мнение, что личные конструкции с «именами деятеля» (ветер, снег, метель) в именительном падеже являются исходными. Это положение поддерживается и трансформационной теорией, согласно которой безличные конструкции являются результатом демиактивной трансформации ядерного предложения, т. е. демиактивными трансформами. Реальной, однако, представляется противоположная точка зрения: для сообщений о стихийном характере события первичной, «изосемической» является безличная конструкция, «в составе ее компонентов в наиболее «чистом», однозначном виде отображен стихийный характер события»²⁴. Различие между рассматриваемыми личными и безличными конструкциями в маркированности/немаркированности обозначения стихийности, произвольности действия; форма творительного падежа—маркированное обозначение стихийного каузатора²⁵.

Квалификация семантической функции компонента в твор. падеже в безличных конструкциях продолжает оставаться дискуссионной. Мнения разделяются между функциями (ролями)—орудийной, агентивной и субъектной (заметим, что термины принадлежат к разным уровням описания семантики предложения). Однако сторонники первой точки зрения вынуждены указывать на специфичность орудийного значения. Так, например, В. С. Юрченко отмечает, что конструкция **Ветром сорвало крышу** «описывает действие, скрыто вызванное предметом, представленным одновременно как его орудие»²⁶. Встречается и компромиссное решение. В. А. Белошапкина говорит об «агентивно-орудийном» значении твор. падежа в предложениях типа **Зажгло грозою дерево**²⁷.

Большинство современных синтаксистов склоняется к признанию твор. падежа формой выражения субъекта рассматриваемых конструкций. Исследователи, различающие понятия субъект и его денотативное значение, характеризуют инструментальный компонент как «демиагентный субъект» (Н. Арват), «демиактивный субъект» (П. Адамец), или же в другой формулировке—«субъектно-агентивный компонент» (И. Р. Распопов). Ср., однако, как определяет денотативное значение инстру-

²³ Форма выражения каузатора (именительный падеж) создает впечатление произвольно действующего агенса. Ср. предложение Ветер касался щеки, плеч, шеи, словно круглыми и ласковыми пальцами (А. Толстой), где уже можно говорить не только об агентивном значении, но и о явлении персонализации.

²⁴ См.: Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 212. О понятии «изосемичность», см. там же, с. 127—129.

²⁵ О маркированности/немаркированности значения безличных конструкций, см. из последних публикаций Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке.—ВЯ, 1979, № 6.

²⁶ В. С. Юрченко. Структура предложения и система синтаксиса.—ВЯ, 1979, с. 86.

²⁷ В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 139.

ментального компонента М. Гиро-Вебер в своей содержательной и актуальной статье, в которой на материале безличных предложений русского языка очень убедительно обосновывается синтаксический принцип выделения подлежащего: «Хотя творительный является носителем преддицируемого признака, т. е. семантическим субъектом предложения, его денотат не имеет ничего общего с сознательным агенсом, действующим намеренно и целесообразно. Такой агенс—только лицо. Творит. орудия—непроизвольный каузатор действия, а не его производитель»²⁸. Субъектный характер компонента в твор. падеже подчеркивает Р. Мразек. Не соглашаясь с традиционным определением творительного как орудийного, он для доказательства субъектного значения применяет метод трансформаций. Возможность трансформирования твор. падежа в именительный («узаконенная» традицией форма выражения подлежащего) делает очевидным его субъектный характер. Ср. **Ветром относит голос** → **Ветер относит голос**; **Солнцем выжгло траву** → **Солнце выжгло траву**. Значение орудия, по Мразеку, несовместимо с подобной трансформацией²⁹. С нашей стороны добавим, что невозможность трансформирования данных конструкций в «неопределенно-личные» также доказывает ошибочность орудийной интерпретации компонента в твор. падеже. Ср. **Лодку унесли течением**. Предлагается и другой диагностический метод: замена беспредложного творительного предложным сочетанием «с помощью чего-либо» выявляет орудийное значение твор. падежа.

Следует оговорить случаи типа **Его ударило по голове мешком** → **Его ударили по голове мешком**. Во второй конструкции с открытием позиции агенса компонент в твор. падеже интерпретируется как орудие. Но поскольку в безличной конструкции есть запрет на семантическую функцию «агенса», исключается возможность появления орудийной функции. Эти два понятия предполагают друг друга, точнее, если есть орудие, то обязательно имеется агенс. Именно поэтому истинное орудие, как правило, не встречается в безличной конструкции, ср*. **Меня осветило фонариком**; **Его убило ножом**, но **Меня осветило пламенем**; **Его убило пулей**.

Наши наблюдения, однако, не позволяют признавать в качестве субъектного компонент в твор. падеже. Ср. все возможные замены творительного, не затрагивающие семантические и синтаксические отношения между компонентами конструкции, а только лишь проясняющие семантику инструментального имени: **Лодку уносит из-за ветра**; **Во время бури сломало дерево**; **По причине наводнения размыло берега**. Субъектный компонент исследуемых конструкций представлен аккумулятивом. Невозможность его элиминирования, на наш взгляд, есть свидетельство того, что именно он является носителем предикативного признака. Последовательное разграничение субъектно-предикатной и предикатно-аргументной структуры позволяет однозначно определить роль аккумулятивного компонента—аргумент «объектив» в функции носителя предикативного признака (или иначе, субъектный компонент с денотативным значением объектива).

Аккумулятивный компонент в качестве субъектного квалифицируется в ряде синтаксических исследований (см. работы Д. Д. Ворониной, С. И. Кокориной). Однако в литературе утверждается и поддерживается другая трактовка: аккумулятив, предопределенный переходностью глагола, считается распространителем структуры (слова), и ему отказывается в праве ядерного компонента структуры (М. Гиро-Вебер). Такая точка зрения представляется неубедительной, однако о синтаксическом статусе аккумулятора будет сказано отдельно.

Прокомментированный материал позволяет сделать следующие выводы. Для «безличных» конструкций Acc+Vimpers (+Instr.) синтакси-

²⁸ М. Гиро-Вебер. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке.—ВЯ, 1979, с. 71.

²⁹ См.: Р. Мразек. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.

чески релевантной оказывается семантика глагольного и инструментального имени. Конструкция организуется акциональным глаголом, преобразованным морфологической формой—безличная форма глагола—в глагол со значением состояния. Инструментальный компонент избирателен к следующему семантическим признакам: одушевленность (запрет на семантический признак «одушевленность»), ср. **Его раздавило машиной**—***Его раздавило слоном**; к семантическому признаку «орудийность». Исследуемый материал подсказывает следующую закономерность: орудие всегда предполагает агенса, а так как безличная конструкция по самому своему назначению исключает агентивное начало, тем самым исключается и орудийная функция творительного компонента. Типичное семантическое наполнение этого компонента—стихийный каузатор или «потенциальное имя». Семантика аккузативного компонента, представленного разнокатегориальными именами, не релевантна для данной конструкции.

Итак, рассмотренные конструкции образуются предикативным сопряжением аккузативного компонента с непротивопоставленным значением одушевленность/неодушевленность с безличной формой акционального глагола, конструкция распространяется инструментальным компонентом стихийного каузатора.

Рассмотрим конструкции, в которых семантический признак «одушевленность» в аккузативном компоненте оказывается синтаксически релевантным. Инвариантное значение безличных конструкций представлено здесь как внутреннее (физическое) состояние субъекта, типа **Меня тошнит**, **Его знобит**. Материал показывает, что нельзя строить классификацию синтаксических конструкций, учитывая семантику только одного компонента (даже главного, предикативного). Безличные конструкции с семантическим признаком «одушевленность» (личность) в предикативном аккузативном компоненте в свою очередь распадаются на две группы в зависимости от семантики предиката. Ср. предложения:

1. **Бойцов заваливало вихрями земли (А. Толстой)**; ...**Меня все чаще и ярче озаряло быстрым и в ту же секунду исчезающим зелено-голубым пламенем (И. Бунин)**.

2. **Дашу трясло ознобом (А. Толстой)**; **Ивана Ильича заливало нежностью к милой руке, написавшей такие большие буквы (А. Толстой)**. **В эти приступы головокружения его малярийно трясло**, стучали зубы, и он не знал, как согреть холодеющие пальцы с мертвецки посинелыми ногтями (Ю. Бондарев).

В предложениях первой группы предикат выражен безличной формой акционального глагола со значением действия, перешедшего в состояние, это действие предполагает наличие определенного источника, оно каузировано чем-то (но не кем-то). В предложениях второй группы предикат выражен глаголом неакциональным, который передает внутреннее состояние субъекта, не вызывая никакого представления о внешнем источнике. Вслед за Н. Д. Арутюновой эти глаголы называют «интенциональными». Соответственно первая конструкция является трехкомпонентной (о возможности невербального выражения одного компонента было сказано выше), вторая конструкция двухкомпонентной. Здесь же необходимо оговорить употребление термина двухкомпонентный, различая его от употребления в синтаксических исследованиях, которые своей задачей ставят представление всех предложений русского языка в виде списка структурных схем.

Может возникнуть вопрос о роли компонента в твор. падеже в конструкциях второй группы. В предложении **Дашу трясло ознобом** представлено явление расщепления предикативного компонента на две составляющие; твор. падеж должен рассматриваться как составная часть предиката, ср. **Дашу знобило**. В предложении **Ивана Ильича заливало нежностью к этой руке** имеется элемент метафоричности, утративший экспрессивность; деадъектив вместе с глаголом передает значение внутреннего состояния субъекта. Ср. с синтаксической функцией творитель-

ного в конструкциях типа **Его ударило волной**, где данной формой представлен самостоятельный компонент конструкции.

Обращает на себя внимание то, что безличное употребление глагола обычно приводит к определенному сдвигу в его значении. Так, глагол **трясти** в «личной» конструкции реализует свое акциональное значение и соответственно имеет две обязательные валентности, безличные же употребление его приводит к реализации неакционального значения, правая валентность глагола элиминируется. Такой сдвиг в значении глагола столь существенен, что в данном случае можно было бы говорить об омонимичных формах глагола³⁰.

Разнородность данных конструкций можно доказать и на основе различного трансформационного потенциала, которым они обладают. Конструкции, образованные сопряжением аккузативного компонента личного имени с безличной формой акционального глагола, могут подвергаться пассивной трансформации. Ср. **Отца убило** → **Отец был убит**; **Его ранило пулей** → **Он был ранен пулей**. Кроме того, могут быть установлены определенные соотношения между данными конструкциями и «неопределенно-личными» типа **Его переехало автомобилем** → **Его переехали автомобилем** (о соотношении этих конструкций было сказано выше).

Конструкции, образованные сопряжением аккузативного компонента личного имени с безличной формой неакционального (статуального, интенционального) глагола, характеризуются невозможностью подвергаться подобным трансформациям, ср. **Его тянуло куда-то в даль...**

Некоторые конструкции могут быть преобразованы в двусоставные с именительным падежом, однако они являются вторичными, с неизосемичным способом оформления компонентов, например **Озноб тряс Дашу**; **Колючая спазма сдавила горло**, и он не мог произнести ни звука...; **Озноб холодил кожу между лопатками...** (Г. Семенов).

Определим семантическую функцию аккузативного компонента в предикатно-аргументной структуре. Аккузативом представлена семантическая функция аргумента «экспериенсив» — одушевленного аргумента, находящегося в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом. Таким образом, наши синтаксические конструкции различаются и в пропозиционном плане.

В настоящее время субъектная функция «экспериенсива» не дискутируется³¹. Н. Ю. Шведова определяет этот компонент как субъектный детерминант. Однако вызывает возражение его характеристика как «субъектно-объектного»³². Это обосновывается тем, что субъект выступает в форме, обычной для объекта, и «происходит своего рода нейтрализация семантического противопоставления «субъект-объект». Мы не можем согласиться с этим, так как аккузатив представлен в данных конструкциях как одна из возможных форм выражения субъекта, считать ее специфичной формой выражения объектного компонента значит отдавать дань традиционному морфологизму выделения членов предложения. На наш взгляд, если в конструкциях типа **Лодку унесло ветром** имеются основания для трактовки аккузатива в качестве субъектно-объектного, то по отношению к аккузативу рассматриваемой конструкции это неправомерно. Она организуется предикативным сопряжением акку-

³⁰ Это обстоятельство можно расценивать как доказательство того, что в безличных конструкциях семантика глагола приспособляется к семантике конструкции. Однако этим дискусионность положения о том, задаются ли компоненты структурой (моделью), не снимается.

³¹ См. работы Г. А. Золотовой, Д. Д. Ворониной, С. И. Кокориной. Воронина, например, различает субъект-пациенс, испытывающий воздействие агенса (Им любовались, Реку затянуло метелью) и субъект-реципиенс, характеризуемый признаком агентивности (Ему весело, Его передергивало) — См. Воронина Д. Д. О функции и значении семантического субъекта в строе русского предложения. Канд. дис., М., 1976.

³² М. Гиро-Вебер. Указ. соч., с. 70.

зативного компонента в субъектной функции с безличной формой глагола в предикатной функции. Релевантными являются сема «личность» в субъектном компоненте и сема «интенциональность» в предикатном.

Отметим также, что сообщение о физическом состоянии субъекта передается и другими синтаксическими конструкциями типа **Ему нездоровится, У меня болит голова** с различным морфологическим оформлением компонентов. Язык располагает определенным набором взаимообусловленных морфологических форм субъекта и предиката для передачи данного значения³³.

Итак, рассмотренный материал показывает, что компонентный анализ, принятый в качестве исследовательского инструмента, дает реальную основу для разграничения конструкций, объединяемых в одну группу «безличных» предложений. Конструкции различаются не только по семантике, но и по синтаксической структуре, т. к. последняя не есть нечто абстрагированное от содержания, именно значение, материализованное в определенной форме, дает многообразие синтаксических конструкций. Выводы, сделанные на материале одного фрагмента синтаксиса русского предложения, демонстрируют возможности методики компонентного анализа. Он может быть применен и по отношению ко всем другим синтаксическим конструкциям.

Этот анализ еще раз подтверждает уже не раз иллюстрированную исследователями (в частности Г. А. Золотовой, синтаксическая концепция которой строится именно на этой идее) семантико-грамматическую неоднородность частей речи, избирательность синтаксической функции по отношению к определенным семантическим разрядам слов, принадлежащих к одной части речи, их различные потенциальные возможности синтаксического функционирования. «Семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически проникает синтаксис и обуславливает особенности его синтаксического употребления»³⁴.

В заключение несколько слов о статусе винительного падежа в синтаксической конструкции. Форма аккузатива настолько сильно соединилась с понятием прямого объекта, что даже считая возможным выражение субъектного компонента косвенными падежами, многие исследователи не могут признать аккузатив формой выражения субъекта. Однако неясно, почему предложно-падежная форма имени, для которой привычно употребление в качестве распространителя предикативной структуры, может считаться распространителем слова, рассматриваться как компонент словосочетания, а «связанная» синтаксическая форма, для которой первична, но не единственна, функция распространителя слова, не может «изменить» себе. Ведь именно так выделяется детерминант — распространитель структуры, отграничиваясь от присловного распространителя. Ср. **За окном шумели деревья — Деревья за окном шумели**; Она прислушалась к шороху **в передней**. Транспозиция аккузатива связана с выражением субъектной функции.

В новейших исследованиях по синтаксису утверждается двусоставность безличных предложений русского языка (См. последние работы Г. А. Золотовой, М. Гиро-Вебер, Д. Н. Шмелева, Ю. С. Степанова). К этому привело логическое развитие концепции семантического синтаксиса, освободившегося от пут морфологизма. Делая робкие шаги к признанию родительного падежа формой выражения подлежащего, синтаксическая наука уже выдвигает тезис о возможности выражения

³³ В этом отношении интересно исследование С. Н. Цейтлин, в котором дается синонимический ряд моделей со значением «психическое состояние субъекта». Ряд состоит из шести основных моделей, различающихся в смысловом и стилистическом отношении. (См.: С. Н. Цейтлин. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 161—181).

³⁴ Г. А. Золотова. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. — В сб. Памяти В. В. Виноградова. М., 1971.

подлежащего (субъекта, предцируемого компонента) любым косвенным падежом.

Ս. ԱԼԼԱՅԱՆ—Մի խումբ անդեմ նախադասությունների բաղադրիչային վերլուծությունը.—Նախադասության իմաստային կառուցվածքի ուսումնասիրությունը, որը վերջին տասնամյակում գտնվում է շարահյուսագետների ու շաղրության կենտրոնում, բացահայտել է ուսերենի մի շարք նախադասությունների ավանդական դասակարգումների թերի կողմը: Այսպես, պարզ է դառնում այսպես կոչված «անդեմ նախադասությունների» ոչ միատեսակությունը, իսկ առանձին դեպքերում հենց անդեմության հասկացության ոչ ճիշտ լինելը:

Հորվածում ուսումնասիրվում է մի խումբ անդեմ նախադասությունների իմաստային-շարահյուսական կառուցվածքը, որը ներկայացվում է A cc + Vimpers. կառուցվածքային սխեմայով գործիական հոլովով բաղադրիչի առկայության կամ բացակայության դեպքում: Ուսումնասիրության մեջ հեղինակը կիրառում է բաղադրիչային վերլուծության մեթոդը, որը հնարավորություն է տալիս բնութագրել շարահյուսական կառուցվածքի յուրաքանչյուր բաղադրիչի իմաստային, ձևաբանական և շարահյուսական բնութագրերը միասնությամբ: Այդպիսի վերլուծությունը թույլ է տալիս բացահայտել մեկ կառուցվածքային սխեմայով ներկայացված կառույցների իմաստային անմիօրինակությունը և ցույց տալ իմաստային հատկանիշների կարևորությունը շարահյուսական ուսումնասիրությունների մեջ: